

*Посвящается Стефани и Дэниелу,
которые были рядом со мной в каждом минивэне*

ПРОЛОГ

Когда в уши ударил белый шум, мы были в саду — пропальывали сорняки.

Я всегда переносила его очень тяжело, где бы в тот момент ни находилась: на улице, в столовой или в своем бараке. Каждый раз у меня в голове словно взрывалась самодельная бомба. Другие девочки в Термонде приходили в себя уже через пару минут. Справиться с тошнотой и ощущением полной дезориентации было для них все равно что стряхнуть прилипшие к лагерной униформе травинки. Но для меня — нет. Проходило несколько часов, прежде чем мне удавалось вновь вернуться в нормальное состояние.

В этот раз ничего не должно было измениться.

Но изменилось.

Я не знала, чем мы заслужили наказание. Работы проходили очень близко от железной изгороди. Воздух вокруг буквально гудел от напряжения, и я чувствовала, как ток проходит через меня. Возможно, кто-то набрался храбрости и попытался выйти за границу сада. А может, какой-то мечтатель запустил камнем в голову ближайшего солдата специального Пси-подразделения. Это гораздо хуже.

Точно я знала лишь одно: установленные наверху громкоговорители издали два тревожных сигнала: один длинный, один короткий. Закрыв уши ладонями, я рухнула ничком на влажную землю. Шея покрылась мурашками, плечи напряглись в ожидании нового удара.

Звук, который передавали ретрансляторы, нельзя было назвать обыкновенным белым шумом. Скорее он походил на сверхзвуковой писк, который можно иногда услышать, сидя в абсолютной тишине или вслушиваясь в монотонное гудение монитора компьютера. Правительство Соединенных Штатов скрестило вой автомобильной сигнализации с жужжанием бормашины, и получилось достойное дитя: частота этого звука была такова, что уши от него начинали кровоточить.

В прямом смысле.

Звук, издаваемый ретрансляторами, коснулся каждого нерва в моем теле. Пройдя сквозь руки, он, перекрывая дикие крики ста несчастных подростков, устремился прямо в мозг и остался там, внутри, где я ничем не могла его заглушить.

Из глаз потекли слезы. Я уткнулась лицом в грязь — вкус крови смешался во рту со вкусом земли. Рядом со мной на землю рухнула девочка, ее рот был перекошен в беззвучном крике. Больше я не видела ничего.

Время от времени по мне проходили волны статического электричества, и тело скручивалось, точно пожелтевший от времени лист бумаги. Чьи-то руки трясли меня за плечи. Кто-то кричал «Руби», но я была уже слишком далеко, чтобы ответить. Я плыла, плыла, плыла в никуда, и, наконец, земля поглотила меня целиком. Осталась лишь тьма.

И тишина.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Грейс Сомерфилд выпало умереть первой.

По крайней мере, первой из нашего класса (в то время мы учились в четвертом). Я уверена: к тому моменту сотни, а возможно, и сотни тысяч детей пережили то же самое. Люди не связывали одно происшествие с другим, а может, они просто умели хорошо замечать следы. Все оставалось в секрете даже после того, как дети начали умирать один за другим.

Когда правда наконец выплыла на свет, начальная школа строго запретила учителям обсуждать все, что касалось так называемой «Болезни Эверхарта». Это произошло после того, как умер Майкл Эверхарт — первый из тех, кого поразила болезнь. Вскоре кто-то дал ей новое название: острая юношеская идиопатическая невродегенерация (ОЮИН, если коротко). А потом эта болезнь перестала быть болезнью одного Майкла. Она распространилась на всех.

Взрослые, которым было что-то известно, лишь улыбались и пожимали плечами. Я по-прежнему жила в волшебном мире пони, солнечного света и коллекции гоночных машин. Оглядываясь назад, я не могу понять, как можно было быть такой

наивной, пропустить столько тревожных сигналов. Даже самые сильные. Отец, к примеру, начал проводить на работе все больше времени, а когда приходил домой, едва мог смотреть в мою сторону.

С другой стороны, оба моих родителя были единственными детьми в семье. У меня не было двоюродных сестер и братьев, смерть которых могла бы заставить меня задуматься. А когда мама запретила отцу устанавливать «это бездушное дебилизирующее устройство», известное также как телевизор, я оказалась абсолютно отрезанной от реальности, и теперь ни одна из новостей не могла разрушить мой наивный детский мир. Кроме того, учитывая возможности работающего в разведывательном управлении отца, доступ в Интернет также был строго ограничен. В итоге меня гораздо больше волновало то, как рассажены игрушки на кровати, нежели возможная вероятность умереть, не дожив до десяти лет.

К тому, что произошло пятнадцатого сентября, я оказалась абсолютно не готова.

Дождь зарядил еще ночью, поэтому в школу родители отправили меня в красных галошах. В классе мы успели обсудить динозавров и прописи, после чего миссис Порт с облегчением отпустила нас на ланч.

Я ясно помню каждую деталь того ланча не потому, что сидела за столом напротив Грейс, а потому, что она была первой и никто этого не ожидал. Она не была древней старушкой. У нее не было рака, как у Сары — подруги моей мамы. Ни аллергии, ни кашля, ни черепно-мозговой травмы — ничего. Мы поняли, что она умирает, только когда ее кожа начала синеть, но было уже слишком поздно.

Грейс жарко доказывала всем, что в ее стаканчик с желе попала муха. Красная масса дрожала и даже немного вылезла наружу, когда Грейс слишком сильно сжала упаковку. Все вокруг спорили о том, что же

такое в стакане у Грейс — муха или она все-таки за-
пихала туда кусочек конфетки. Все, включая меня.

— Я не вру, — возмутилась Грейс. — Я просто...

Внезапно она остановилась. Пластиковый ста-
канчик выскользнул из ее пальцев и со стуком упал
на стол. Рот Грейс широко раскрылся, взгляд упер-
ся во что-то за моей спиной. Грейс нахмурилась,
словно пытаюсь решить какую-то очень непростую
задачу.

— Грейс? — помню, воскликнула я. — С тобой все
в порядке?

Ее глаза закатились, на секунду став абсолютно
белыми, а потом зрачки показались вновь. Грейс
издала тихий вздох, слишком слабый, чтобы сдуть
прилипшие к губам коричневые пряди.

Все, кто сидел рядом, словно приросли к сту-
льям. Мы понимали только, что ей плохо. Неделю
или две назад Джош Престон потерял сознание на
спортивной площадке. Миссис Порт объяснила, что
у него в крови было недостаточно сахара, ну или
что-то вроде того.

Дневная дежурная бросилась к нашему столи-
ку. В течение недели в столовой и на спортивной
площадке по очереди дежурили четыре пожилые
леди. Все они носили белые козырьки и имели при
себе свисток. Это была одна из них. Я даже не пред-
ставляла, сможет ли она, если понадобится, сделать
искусственное дыхание, однако женщина быстро
уложила обмякшее тело Грейс на пол.

Ее тут же окружила толпа взволнованных зри-
телей. Дежурная прижала ухо к груди Грейс, чтобы
прослушать сердцебиение, однако слушать было
уже нечего. Я не знаю, о чем подумала эта пожилая
леди. Она просто вскрикнула, и через мгновение во-
круг нас замелькало множество любопытных глаз.
То там, то сям проскальзывали белые козырьки.

Бен Чоу пихнул безвольную руку Грейс носком туфли. Но мы поняли, что она мертва, задолго до этого.

Дети вокруг начали кричать. Одна из девочек, Тесс, плакала так сильно, что начала задыхаться. Все бросились к входной двери.

Я просто сидела среди всей этой брошенной еды и смотрела на баночку из-под желе. Ужас сковал мои ноги и руки, и мне казалось, они приросли к столу навечно. Если бы охранник не вывел меня оттуда, я даже не представляю, сколько бы еще могла там просидеть.

«Грейс мертва, — думала я. — Грейс мертва? Грейс мертва».

А дальше все стало еще хуже.

Через месяц после того, как схлынула первая волна смертей, Центр Контроля и Предотвращения Болезней выпустил листовку с пятью пунктами, которые должны были помочь родителям определить, что их ребенок находится под угрозой ОЮИН. К тому моменту половина моих одноклассников уже были мертвы.

Мама спрятала листовку так хорошо, что я нашла ее по чистой случайности. В тот день я полезла в верхние шкафчики в поисках шоколада и там, среди маминых формочек для печенья, обнаружила это.

«Как понять, что ваш ребенок находится в группе риска», — гласил заголовок. Я узнала этот оранжевый листок: миссис Порт прислала его к нам домой несколько дней назад. Она сложила письмо пополам и скрепила тремя скобками, чтобы ребенок не смог его прочитать. *«Родителям Руби лично в руки»*, — надпись на внешней стороне была подчеркнута тремя жирными линиями. Три линии означали нечто очень серьезное. Родители явно хотели оградить меня от содержащейся здесь информации.

К счастью для меня, письмо было уже вскрыто.

1. Ваш ребенок внезапно стал замкнутым и угрюмым, не проявляет интереса к занятиям, которые раньше доставляли ему радость.

2. Она/он уделяет повышенное внимание урокам, игнорируя вас и окружающих.

3. У нее/него бывают галлюцинации, рвота, хронические мигрени, провалы в памяти и/или обмороки.

4. Она/он испытывает склонность к немотивированным вспышкам агрессии, безрассудным поступкам или нанесению себе физического вреда (ожоги, ушибы и внезапно возникающие порезы).

5. Она/он проявляет необычные способности, ведет себя агрессивно по отношению к вам или окружающим.

ЕСЛИ У ВАШЕГО РЕБЕНКА ПРИСУТСТВУЕТ ЛЮБОЙ ИЗ ЭТИХ СИМПТОМОВ, СООБЩИТЕ НАМ О ТОМ, ЧТО ОН БОЛЕН ОЮИН. ЗАТЕМ ОЖИДАЙТЕ БРИГАДУ МЕДИКОВ, КОТОРАЯ ДОСТАВИТ ВАШЕГО РЕБЕНКА В БЛИЖАЙШЕЕ МЕДИЦИНСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ.

Дочитав до конца, я аккуратно сложила листок и положила его на прежнее место. А потом меня вырвало в раковину.

Бабушка позвонила на той же неделе. В своей обыкновенной «бабушкиной» манере она объяснила, что повсюду умирают дети моего возраста. Врачи работают над этим, так что мне не стоит особенно беспокоиться: я ведь ее внучка, а значит, со мной все будет в порядке. От меня требуется лишь быть хорошей девочкой и рассказать родителям, если я замечу что-то странное, не так ли?

Скоро дела пошли еще хуже. Спустя неделю после того, как похоронили троих или четверых со-

седских ребяташек, президент обратился к народу с речью. Мама и папа смотрели ее по компьютеру в прямом эфире, я подслушивала за дверью.

— Я хочу обратиться ко всем американцам, — начал президент. — Сегодня мы столкнулись с чудовищным бедствием, которое ставит под угрозу не только жизни наших детей, но и все будущее нации. Надеюсь, вашу скорбь немного уменьшит то, что в Вашингтоне разрабатываются программы, направленные на поддержку пострадавших семей, а также детей, которым посчастливилось выжить после этого кошмарного вируса.

В тот момент мне больше всего хотелось увидеть его лицо. Потому что он знал — не мог не знать, — что все эти обещания светлого будущего не смогут помочь тем, кто уже умер. Погребенные в земле или сожженные в крематории, они превратились в мучительные воспоминания для тех, кто их помнит и любит. Потому что они ушли. Навсегда.

А эти листовки с симптомами — те, которые учителя так аккуратно сложили и разослали по всем домам? Их текст зачитывался по телевидению сотни раз, и каждый раз видеорядом к нему были смеющиеся друг друга лица умерших детей. Никто не беспокоился за тех, кто пока оставался в живых, не думал о той пустоте, которая останется после того, как они уйдут.

Они боялись нас — тех, кто не умер.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В день, когда нас привезли в Термонд, шел дождь. Так продолжалось всю неделю, и следующую неделю тоже. Ледяной дождь, который мог бы превратиться в снег, будь на улице пятью градусами холоднее. Я помню, как смотрела на стекающие по окну школьного автобуса капли. Если бы все это происходило дома, в одной из машин родителей, я бы могла провести по мокрым дорожкам кончиками пальцев. Сейчас мои руки были крепко связаны за спиной. Люди в черной униформе усадили нас по четыре человека на сиденье. Здесь едва можно было дышать.

От жара сотен прижатых друг к другу тел окна автобуса быстро запотели. Теперь они казались окнами в другой мир. Вскоре окна желтых школьных автобусов, которые они использовали для перевозки детей, покрылись грязными потеками. Это никого не волновало.

В течение всей пятичасовой поездки я сидела у окна и потому успевала иногда рассмотреть сквозь мокрые дорожки куски проплывающего за окном пейзажа. Однако все эти куски казались похожими друг на друга, как близнецы: зеленые луга, темная масса деревьев. Должно быть, мы еще в Вирджинии — вот